

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.42

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

© 2012 г. О. В. Бондаренко, В. И. Бондаренко

*Шахтинский институт (филиал)**Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*

Целью и инструментом формирования новой модели экономики, обеспечивающей прорыв в трансформации российского общества, выступает его модернизация. Задача модернизации российского общества осуществляется в условиях социокультурной и экономической глобализации. Задачей статьи является исследование глобализации как фактора модернизационных изменений.

Ключевые слова: социальная модернизация; глобализация; модернизационные изменения; глобальные и региональные тенденции; трансформация российского общества; парадигмы социального развития.

The purpose and the instrument of new economic model formation, which is a reason for getting by Russian society a new quality level, is its modernization. The problem of modernizing Russian society is carried out in the conditions of social, cultural and economic globalization. Article examines the problem of globalization researches as a factor of modernization changes.

Key words: social modernization; globalization; modernization changes; global and regional tendencies; transformation of Russian society; a paradigm of social development.

Программа модернизации российского общества уже давно обсуждается в научных и политических кругах России в качестве цели и средства преобразования российского общества. Первоочередной задачей считается модернизация экономики. Четкое концептуальное определение этого процесса в программных документах, обычно, отсутствует. Обычно исходят из самого общего — «обновление, ликвидация отсталости, выход на современный, сравнимый с передовыми странами уровень развития» [1]. Речь идет о достижении российским производством современного технологического уровня, об обновлении производственных мощностей, преодолении хозяйственного монополизма, формировании конкурентной среды, сокра-

щении теневого рынка, коррупции и всевластия бюрократии, формировании предпринимательской культуры, усилении предпринимательского импульса. Но главное в экономической модернизации, ее суть связывают с установлением максимальной свободы хозяйствования, что означает сокращение роли государства в экономике и вытеснение его из сфер предпринимательской деятельности [2]. Почему, же в действительности не происходит полноценного высвобождения частной инициативы, ослабление роли государства происходит в направлении преодоления патернализма, и перехода к «субсидиарной» модели государства при сохранении и даже расширении бюрократического произвола? Может быть, темпы модернизационного про-

цесса в России ничтожно малы? Если это так, что мешает ускорению?

Во-первых, модернизация как всякий социально-трансформационный процесс может быть полезен, выгоден отдельным социальным группам, нарушая при этом прямые интересы других людей и групп. Поэтому трансформационная активность отдельных социальных групп может быть разнонаправленной, способствующей или препятствующей модернизационному процессу. Во-вторых, модернизация не является синхронным развитием, одинаково продвигающим все сферы и сектора общества. Это нормально для «естественного» хода модернизации. В условиях догоняющей модернизации проблема может быть отягощена произвольным выбором направления властными субъектами, которыми в России является бюрократия. Административный выбор (или произвол) может привести к значительному регрессу в базовых областях модернизации экономики (технологии, инновации, инвестиции), или даже к демодернизации общества. В-третьих, модернизация в современных условиях не является эндогенным продуктом, это модель «догоняющего развития». Догоняющее развитие не является простым следованием в фарватере стран-лидеров, оно предполагает проведение глубоких структурных реформ [3].

Действительно, модернизация, осуществляемая «вдогонку» не всегда способствует формированию технологических и культурных условий экономического развития. Чаще приходится сталкиваться с проблемами, порождаемыми попытками форсировать создание структур современности. Одной из таких проблем становится «анклавная» модернизация — островки современной жизни среди безбрежного океана традиционализма. Эта ситуация наблюдается в Бразилии, Мексике, Индии, Турции и др. странах. Мегалополисы России представляют такие очаги постиндустриального развития, включенности в глобальные процессы, в то время как огромное число поселений не имеет даже телефона. Памятен не столь давно показанный сюжет в программе новостей: чтобы зрители увидели трогательный эпизод разговора космонавта, возвратившегося на Землю, с его матерью, телевизионщики были вынуждены

одолжить пожилой женщине сотовый телефон — поселок практически не был телефонизирован. Другой проблемой догоняющей модернизации становится деформация или утрата людьми традиционной культуры без обретения новой, современной. Прежде всего, речь идет о рациональном стремлении к успеху в соотношении с ценностью ежедневного рационального труда, рационального ведения хозяйства, бытового и потребительского самоограничения. Проблемой стран, вступивших в настоящее время на путь капиталистической модернизации, становится легитимация накопления, богатства, успеха при отсутствии принципов самоограничения, рационального труда в качестве пути к этому богатству и успеху. Страны, чья культура сохраняла традиционное трудолюбие, педантизм в работе (азиатский регион, Китай, Япония) смогли продвинуться создать предпосылки и условия экономического роста. В отношении России сожаление по поводу «непродуктивной» системы ценностей стало «притчей во языцех» [4]. Но гораздо большей проблемой, как показывает опыт модернизации, становится эрозия ценностно-нормативного пространства, которая проявляется в ценностно-нормативной амбивалентности. Так, коррупция, бывшая в российском обществе давней практикой, в новых условиях превращается в систему социального существования всего общества, как на вершинах бизнеса и государственного управления, так и в качестве повседневной «низовой» практики. В некоторых регионах России, например, горных республиках Кавказа, коррупция получает невиданные масштабы в силу утраты прежних общинных регуляторов отношений без формирования современных правовых институтов. Низкая эффективность стратегии догоняющего развития становится различием стартовых условий экономического роста: пока развивающиеся, отстающие страны пытаются следовать за лидером, тот тоже не стоит на месте. Но его путь начинается с более качественного «стартового набора».

Таким образом, осуществление модернизации российского общества упирается в преодоление рассогласованности между различными направлениями реформирования российского общества, синхронизацию и проведение системных изменений. Экономические

реформы России должны быть направлены на формирование производственной структуры, отвечающей критериям развитой индустриальной страны, необходимо преодолеть одностороннюю сырьевую ориентацию экспорта, существенно увеличить в валовом внутреннем продукте и экспорте долю продуктов с высокой добавленной стоимостью, продуктов современного технологического уровня и т. д. Но по мнению большинства современных авторов ситуация такова, что ресурсы достигающего развития для России исчерпаны, в то время как вызовы экономической глобализации стали более значимыми и весомыми. Включение в систему глобальной экономики не является самоцелью реформ, оно выступает средством ускорения рыночных преобразований, интенсификации модернизации экономики и общества. Российские и западные ученые (эксперты Комиссии президента США по вопросам конкурентоспособности, специалисты ИМЭМО РАН) сформулировали базовые критерии конкурентоспособности стран в условиях глобализации мирового хозяйства, которые могут выступить ориентирами модернизации экономики в условиях хозяйственной интеграции. Среди них наиболее значимы следующие:

- сопоставимый с мировым уровень производительности национальных факторов производства;

- своевременное выявление и использование новых благоприятных возможностей в мировой хозяйственной конъюнктуре;

- возможность производить и потреблять товары и услуги в условиях конкуренции с зарубежными при повышении уровня жизни населения и соблюдении международных экологических стандартов;

- способность генерировать ресурсы для решения актуальных проблем социально-экономического развития;

- адаптивность к непредвиденным мега-изменениям, адекватное их масштабу и характеру реагирование на внешние вызовы, угрозы и сопутствующие «шоки»;

- способность стать консолидированным «лидером перемен»;

- инициирование и обеспечение на этой основе улучшения позиций стран в мировом хозяйстве и т. д. [5].

Ростовский ученый-экономист О. Ю. Ма-

медов высказывается решительно: «Императивы экономической глобализации одновременно являются и императивами модернизации российской экономики» [6].

Непосредственная основа экономической глобализации — формирование мирового рынка товаров, услуг, технологий, капиталов и рабочей силы на основе международного разделения труда, которое позволяет найти условия для наиболее выгодного производства и реализации товаров и услуг, расширяет возможности для использования сравнительных преимуществ в международном разделении труда. В условиях глобализации значительный объем товаров поступает на национальный рынок через внешнюю торговлю, либо производится в стране с участием иностранного (транснационального) капитала. Расширение международного рынка способно повлиять на рост международной торговли. По мнению экспертов Всемирной Торговой Организации, ослабление ограничений в мировой торговле всего лишь на 1/3 увеличит объем мировой торговли на 600 млрд. долл., отмена всех таможенных и тарифных барьеров увеличит объем еще больше — на 1,9 трлн. долл. в год [7]. Благодаря росту объемов торговли усиливается активность экономических субъектов, создаются новые производства, новых рабочих мест создается больше, чем сокращается старых. Потенциально глобализация позволяет резко повысить эффективность производства [8], оптимизировать размещение ресурсов [9]. Участие России в международном разделении труда, включение в мировой рынок формирует стимулы к индустриализации, повышению конкурентоспособности отечественной продукции. За счет усиления специализации производства повышается его эффективность. В этом заключается стимул к либерализации торговых, экономических отношений [10]. По мнению О. Т. Богомолова, новые возможности экономической глобализации заключаются в экономии на издержках производства благодаря оптимизации размещения ресурсов в мировом масштабе, в качественно новых условиях для распространения знаний, технических достижений, управленческо-производственной культуры [11].

Международное разделение труда в рамках глобальной экономической системы опре-

деляет экономическое неравенство стран. Так, мировой ВВП в 2000 г. составил примерно 30 трлн. долл., из которых около трети (10 трлн. долл.) производили США, свыше 4 трлн. — Япония, следом за Японией — ФРГ, Франция, Великобритания, Италия и Китай [12]. Эти страны пребывают на вершине неравенства мировой экономической системы. Другой ее полюс составляют страны, жители которых обеспечены менее 1 долл. в день (согласно данным статистики это ежедневный доход около 30% населения Земли).

Ю. Шишков считает, что глобализация выступает условием и шансом для развивающихся стран включиться в глобальную экономику на правах равного партнерства, благодаря обмену информацией, распространению капиталов и технологий преодолеть разрыв с развитыми странами и даже опередить их по темпам экономического роста. О возможности более равномерно распределять базовые ресурсы между богатыми и бедными странами, сглаживая разрыв, пишет Л. И. Абалкин [8]. Статистические данные поставляют основания для оптимизма. С 1965 г. по 2000 г. в развивающихся странах объем промышленной продукции в постоянных ценах увеличился в 4,5 раза, в то время как в экономике развитых стран данный показатель составил только в 2,9. С 1980 г. по 2000 г. объем реального ВВП увеличился в 2,4 раза, доля ресурсной составляющей в экспорте развивающихся стран сократилась с 50,8% в 1980 г. до 19% в 1998 г., доля высокотехнологичных изделий увеличилась с 11,6 до 31% [13]. Можно сказать, что целый ряд развивающихся стран успешно включается в глобальную экономику и уверенно сокращает отставание от стран-лидеров мировой экономики. Инструментом включения в глобальную систему и фактором успеха новых членов выступает: (1) успешная модернизация экономики этих стран, а также (2) механизм функционирования самой глобальной экономической системы, ведущие субъекты которой заинтересованы в вовлечении дополнительных ресурсов в ее функционирование. В основе этих взглядов лежат представления об «идеальной модели» западноевропейского капитализма, вера в «саморегулируемость» «свободного рынка» на основе принципов рыночной конкуренции, экономической свободы, реали-

зованных в свое время в Великобритании и США, уверенность в универсальности принципов свободного функционирования рыночного механизма.

Но простое включение в глобальную экономику не гарантирует модернизации и экономического роста. Важен способ, механизмы включения в нее. Обычно выделяют три типа стран, различающихся по характеру и качеству участия в международном разделении труда. Наукоемкие отрасли, высокотехнологичное производство, технологические, информационные, управленческие, финансовые услуги — прерогатива развитых стран (США, Великобритания, ФРГ, Франция). Эти отрасли обеспечивают наибольшую и стабильную экономическую рентабельность и, тем самым, лидерство в глобальной экономике. Главный ресурс стран Центральной Европы — высокий уровень образования и квалификация персонала. Эти страны специализируются, в первую очередь, на инженерных усовершенствованиях и на массовом выпуске комплектующих к товарам, производства развитых стран. Интересно, что трудовая культура в странах Юго-Восточной Азии располагает людей к интенсивному и монотонному труду, формирует готовность педантичному следованию производственному процессу. Эта культура выступает одним из составляющих феномена «экономического чуда». Трети страны включены в мировую экономику в качестве сырьевых приделков и потребителей конечной продукции. Если развитые страны переносят производство на их территорию, выбор делается в пользу трудоемких (дешевая рабочая сила) и загрязняющих окружающую среду (отсутствие общественного протеста, развитого экологического законодательства).

Нарисованная структура напоминает валлерстайновскую мир-системную структуру «Центр — Полупериферия — Периферия» со всеми вытекающими последствиями. С учетом обширного инструментария давления и закрепления положения в системе представления мир-системщиков об устойчивой неравномерности развития представляются вполне обоснованными. И. Валлерстайн разделил мир-экономику на три основные зоны, назвав их ядром, полупериферией и периферией. Различие между этими зонами опреде-

ляется системой разделения труда, особой ролью, которую они играют в этой системе, неравными долями прибыли от работы всей этой системы [14].

Роль Российской Федерации в мировой экономической системе сводится к роли поставщика сырья и потребителя продуктов производственного сектора. Данная тенденция нарастала еще в позднесоветские времена. Либеральные реформы 1990-х нанесли существенный удар по индустриальному сектору экономики. После дефолта 1998 г. на некоторое время возобладал внутренне ориентированный рост, но с 2002 г. экспортно-сырьевая модель экономики закрепились. Признаками сырьевой модели развития экономики выступают доля добавленной стоимости, произведенной при добыче сырья, а также доля сырьевых товаров в экспорте страны. По оценкам ряда экспертов, в России в добывающей отрасли создавалось около 35–40% суммарной добавленной стоимости, сырьевая специализация России в мировом хозяйстве неуклонно усиливалась: «экспорт углеводородов увеличился с 28 млрд. долл. в 1998 г. до 191 млрд. в 2006 г., т. е. в 6,83 раза (с поправкой на обесценение доллара — в 5,5 раза); при этом отношение экспорта, о котором идет речь, к ВВП выросло с 10,0 до 19,3% в 2007 г.» [15]. За первую половину 2000-ых годов резко сократился вклад обрабатывающих секторов в прирост промышленного производства, вклад машиностроительных производств в прирост ВВП за первое полугодие 2005 г. упал с 37 до 4,4% [16].

Включение в глобальную экономику на основе сырьевой модели катастрофично для России, поскольку закрепляет ее отставание от развитых стран. Во-первых, сырьевая модель устанавливает абсолютную зависимость экономики от динамики мировых цен на энергоносители. Экономический рост 2000-ых полностью был основан на росте мировых цен на нефть. Экономической конъюнктурой был обусловлен приток в российскую экономику «нефтедолларов». Во-вторых, сильная зависимость от мировых цен определяет нестабильность «сырьевой» модели экономики. так, падение цен моментально остановило экономический рост. Только благодаря слишком хорошей конъюнктуре удалось создать стабилизационный фонд, средства которого

были использованы на поддержку российской экономики в период мирового кризиса. Если оправдаются прогнозы относительно его новой волны, ситуация в России будет не столь благополучна. В-третьих, «сырьевая» модель не в состоянии обеспечить стабильного долговременного развития. Многое зависит от запасов полезных ископаемых. В этом плане положение в России намного лучше, чем других стран. По некоторым экспертным оценкам по совокупным запасам природных ископаемых развитые страны обеспечены всего лишь на 15–16 лет. Россия же только по разведанным месторождениям обеспечена полезными ископаемыми на 50–75 лет [17]. Возможно, что реальные запасы больше разведанных на несколько порядков. Данная ситуация внушает субъективную уверенность, но не создает реальных долговременных перспектив развития. Кроме колебаний мировых цен на сырье, необходимости дальнейших расходов на освоение месторождений, могут измениться технологии, существенно повлияв на конъюнктуру мирового рынка. Многие месторождения в России крайне нерентабельны, существует проблема из транспортировки (месторождения в Восточной Сибири, добыча на шельфе морей Северного Ледовитого океана). Кроме того, истощение месторождений влечет проблемы деградации монопрофильных территорий. Г. Фетисов специально подчеркивает опасность «голландской болезни» как следствия «сырьевой модели» экономики. Оправданное с точки зрения классической экономической теории использование сравнительных экономических преимуществ ведет к отставанию роста обрабатывающих производств вследствие перемещения труда и капитала в сырьевой сектор.

С точки зрения классической и неоклассической теории вовлечение слаборазвитых стран в мировую торговлю становится рычагом их модернизации и догоняющего развития за счет распространения технических новаций. Считается, что продавая сырье, слаборазвитые страны получают в обмен высокотехнологические продукты, производство которых отсутствует в их «родной» экономике по причине слабости научно-технической мысли, низких капитальных затрат, низкой квалификации работников. Импорт

достижений современного производства расширяет поле потребности в этих продуктах. Не только производство, но и обладание этими предметами требует повышения общего уровня квалификации, расширения кругозора. Таким образом, создаются современные потребности и модернизированная культура, позволяющие произвести индустриальную перестройку слаборазвитой страны. Приток инвестиционного капитала, повышение квалификационного и образовательного уровня жителей позволяет эти страны до уровня передовых. Ю. Шишков описывает функционирование глобальной техноэкономической системы, многоярусное устройство которой позволяет развивающимся странам одна за другой взбираться к вершинам, повышая экономический и культурный уровень. Создание новых технологий и высокотехнологический продуктов не может оставаться на верхних ярусах в силу экстенсивной природы рыночного функционирования и капиталистического накопления. Как вода, переполняющая верхнюю чашу фонтана, последовательно стекает на ниже расположенные, технологические новации перетекают к «отстающим» вместе торговым обменом, выносом производства в развивающиеся страны, формированием транснациональных корпораций, позволяя им повысить уровень развития [13].

Хотелось бы возразить Ю. Шишкову: описанная им модель позволяет объяснить общий подъем уровня развития глобальной системы, механизм подтягивания отдельных стран до уровня развития авангарда мирового сообщества в рамках глобальной системы, но не объясняет возможности сокращения отрыва от развитых стран Запада. Глеб Фетисов считает, что «сырьевая модель» исключает быстрый научно-технический прогресс, и его аргументы трудно признать малоубедительными. Сырьевой сектор, безусловно, использует новейшие технологии. Ликвидация аварии на нефтяной платформе фирмы «BP» в Мексиканском заливе потребовала использования новейших технологий. Шахта «Распадская» в Кузбассе, считающаяся передовой, оснащена новейшими защитными системами. Тем не менее, применение высоких технологий в добывающей промышленности весьма ограничено, прежде всего, потому, что состав выпускаемой продукции практически

не меняется. Как правило, страна-экспортер сырья вынуждена закупать передовые технологии за рубежом. Так, на шахте «Распадская» передовые технологии импортного происхождения. «Получающая природную ренту страна-экспортер сырья вынуждена платить «интеллектуальную ренту» странам — технологическим лидерам» [15].

Кроме объективных недостатков «сырьевой» модели развития экономики, Россия должна учитывать тенденцию к закрытости «клуба передовиков» глобализации, закрытости особого рода, отличной от «железного занавеса» эпохи социализма. В международной торговле, как и в международной политике, субъекты отстаивают собственные интересы. Например, желая сохранить преимущества своего положения, сильные стороны формулируют специфические принципы «клубного членства». И хотя сторонники свободной экономической модернизации уверены, что особых правил не существует, поскольку в основе всякой свободной экономической деятельности лежат правила и принципы рыночного механизма, тем не менее, следует указать на ряд существенных препятствий, задаваемых сильными мировыми игроками. Так, снятие тарифного регулирования в международной торговле — одно из базовых направлений либерализации и включения в глобальную систему. В конце 2002 г. США выступили с предложением к странам-членам ВТО к 2015 г. полностью упразднить все тарифы на потребительские и промышленные товары и перевести на бестарифное функционирование 91% мировой торговли. Остальные 9% тарифов могли быть существенно снижены [18]. В настоящее время единые требования к членам ВТО отсутствуют. Уровень таможенной защиты и интенсивность поддержки национальных производителей различается у разных стран-членов ВТО. В результате ведущие страны мира, особенно из числа учредителей ВТО, существуют в системе, когда их рынки высокотехнологической продукции защищены от конкуренции. Условия для стран, вступающих в ВТО, могут быть неадекватно ужесточены, несоразмерно требованиям других. В отношении России в качестве платы за присоединение к ВТО выдвигаются требования снижения сельскохозяйственных дотаций, дотаций, в то время аграрная политика США

предусматривает меры помощи сельскому хозяйству. Требование беспошлинного ввоза в России гражданской авиатехники, с одной стороны, противоречит мерам таможенной защиты компаний «Боинг» и «Эйрбас», с другой стороны, подрывают интересы российской авиационной промышленности — одной из немногих отраслей, сохранивших инновационный потенциал и высокотехнологический уровень, отняв у нее сегмент рынка и нарушив постоянство и регулярность спроса. Финансовая глобализация позволяет сделать акцент на финансовые рычаги поддержания стабильности внутри глобальной системы. Одним из таких рычагов выступает система инвестиционно-кредитной зависимости. «Внешняя задолженность, — пишет Л. Н. Федякина, — прочно вошла в механизм функционирования современной экономики и стала его неотъемлемым элементом. Практически все страны привлекают внешние заемные ресурсы и имеют непогашенные долги, большинство из них является чистым заемщиком (должником), в том числе и среди развитых стран» [19]. При определенных условиях финансовая задолженность, кредитные отношения выступают инструментами давления на политико-экономические решения отдельных государств, расширяя границы экономической мощи отдельных субъектов глобального пространства. Примеры использования рычагов экономического давления можно продолжать. На их основании можно согласиться с базовыми положениями теории Валлерстайна, что включение новых членов в существующую мировую экономическую систему происходит как зависимых участников экономического взаимодействия, что является основанием устойчивого воспроизводства периферийности развития.

Ф. Бродель, разрабатывая концепцию мир-экономики на материале экономической истории, пришел к выводу, что в рамках сложившейся системы исходное положение замыкает «в бедности или в богатстве соучастников мира-экономики, навязывая им некую роль, и, по-видимому, весьма надолго» [20]. Надолго, но, возможно, не навсегда. Центр мир-экономики кочевал в зависимости от множества факторов, например, великих географических открытий, проложивших новые морские торговые пути, открывших но-

вые товары, и т. д. Феномен «экономического чуда» двадцатого века представляет собой не только мощный взрыв производительности труда, рост объемов производства, но и резкое повышение экономического могущества стран, до сих пор пребывавших на периферии экономической системы, резкое изменение их экономического статуса в глобальной системе. Экономическая история свидетельствует, что в основе такой ситуации лежит не столько «равномерное» догоняющее развитие, сколько стратегия прорыва. Согласно линейной концепции модернизации, в парадигме догоняющего развития такая трансформация проблематична, хотя возможна как резкий скачок через стадии модернизационного развития на основе использования изученного социального, организационного опыта развитых стран. Реальный опыт показывает специфичность экономического пути стран, оказавшихся способными к экономическому прорыву. Этот опыт говорит о необходимости поиска собственных оснований экономического роста, а не попыток институционального, технологического копирования пусть даже самых лучших образцов. Каждый названный признак является необходимым условием формирования конкурентоспособной национальной экономики. Но лидерство в переменах, способность выступить с инновационными предложениями — особое качество. Это кумулятивный заряд, способный вывести национальную экономику на новую орбиту. Таково же мнение Е. Ясина, который считает, что Россия занимает место между новыми крупными субъектами мировой экономики, которые оказывают давление на мировой рынок дешевой рабочей силы и захватом рынков (Индия, Бразилия, Китай) и странами-лидерами мирового инновационного развития. И чтобы вырваться из подобного промежуточного положения, не скатиться окончательно на периферию мирового экономического развития, Россия должна осуществить инновационный прорыв [21]. Только органично включившись в новейшие мировые инновационные процессы, наладив высокотехнологическое производство в конкурентных масштабах, Россия может не опасаться вызовов глобальной экономики.

Западные исследователи уже признали, что модернизация «отстающих» стран в

форме воспроизводства институциональной системы Запада в современном мире, либо проблематична, либо просто невозможна. Об этом говорит опыт многих стран, попытавшихся осуществить институциональный транзит. Поэтому практика догоняющего развития на основе существующих экономических моделей в условиях глобализации заведомо обречена в экономическом, техническом, социокультурном смыслах. Она может обеспечить определенный экономический рост, но перемещение в группу лидеров, тем более их резкий обгон — никогда. Напрашивается вывод: модернизация является важным условием включения национальной экономики в глобальную систему, но не является императивом экономического успеха. Верна обратная идея — включение в глобальную систему не является неперенным и обязательным условием модернизации. Исчерпание ресурсов догоняющего развития, провалы концепции догоняющего развития ведут к тому, что императивом и фактором модернизации становится не столько включение глобализация, включение России в глобальную экономическую систему, сколько концентрация усилий общества и бизнеса на определении ключевых направлений социального и экономического развития российского общества в условиях глобализации, создание институциональных условий, стимулирующих инновационные процессы. Любое инженерное изобретение, на которые богата наша научная среда, чтобы стать основой инновационного прорыва и обеспечить конкурентные преимущества на рынок, должно быть адаптировано к условиям производства, представлять собой максимально эффективную комбинацию труда и капитала. В этом случае речь идет не только о самих инженерных изобретениях, но и об управленческих новациях, организации производства, менеджменте и маркетинге. Институциональными барьерами инновационного развития выступают, как правило, черты традиционализма российской экономической культуры. Но в контексте разработки технологий и деятельности по передаче и распространению в производство, важны не столько «нерыночность» русского национального характера, о которой любят рассуждать экономические либералы, сколько умение и навыки рационально мыслить и

действовать в изменяющейся рыночной среде. Социальная структура российского общества также выступает препятствием формирования инновационной среды рыночного общества. Прежде всего, речь идет об отсутствии массового среднего класса, о слабой зависимости материального положения и социальной мобильности от образовательного и научного потенциала. Дешевая рабочая сила выступает отрицательным стимулом внедрения трудосберегающих технологий. И даже в тех сферах, где под давлением различных обстоятельств внедряются высокие технологии, они вступают в противоречие с потребностями предпринимателей и работников, получающих мизерную плату. Одной из причин аварий на оборудованных системами защиты от переизбытка метана российских шахтах является поведение рабочих, которые закрывают датчики, чтобы получить доступ в забой и больше заработать. Управленческий персонал, зная о нарушениях, закрывает на это глаза, поскольку не несет практически никаких санкций в случае аварий. Отсутствие заинтересованности управленческого персонала в проведении инноваций относится к категории институциональных ловушек, поскольку именно от них зависит внедрение инноваций.

Подводя итог рассмотрению проблемы, отметим сосуществование и взаимодействие двух императивов социального развития российского общества — глобализации как включения в целостную, взаимосвязанную, интегрированную социальную общность и модернизации как внутренней структурной перестройки общества и экономики. Глобализация выступает требованием времени, фактором, инициирующим ускорение трансформационных процессов, при этом полная интеграция в мировую экономику и процессы инновационного развития являются катализатором структурной перестройки российской экономики, фактором ее модернизации. Инвариантность императивов глобализации и модернизации позволяет утверждать зависимость места в глобальном порядке от степени модернизированности субъекта. Но если модернизация как процесс внутреннего структурного упорядочивания предполагает определенность социальных структур и кодов взаимодействия, глобальная система

сложна, разнообразна и внутренне противоречива. В глобальной системе утверждаются тенденции целостности, взаимосвязанности, взаимозависимости, интегральности мира. Она раздираема внутренними противоречиями, борьбой субъектов за место в системе, за доминирование модели ее обустройства. В этих противоречиях и борьбе, диалоге субъектов и становлении единых механизмов управляемости и системы происходит становление нового типа социальной организации — комплексной системы, предполагающей принципиальную разнородность состава и общность исторической судьбы.

Литература

1. Ясин Е. Г. Модернизация российской экономики: повестка дня. // Модернизация российской экономики. В 2-х книгах. Кн. 1. — М.: ГУ ВШЭ, 2002. — С. 13.
2. Мамедов О. Ю. Модернизация и девиантная модель экономического роста? // Экономический вестник ростовского государственного университета. — 2010. — Том 8. — №1. — С. 6.
3. Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития. // Вопросы экономики. — 2002. — №7. — С. 6–7.
4. Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей. // Вопросы экономики. — 2003. — №4. — С. 4–36.
5. Иншакова Е. И. Глобализация и мегарегionalная интеграция как объективные тенденции хозяйственной эволюции. // Финансы и кредит. — 2005. — №11. — С. 18.
6. Мамедов О. Ю. Модернизация российской экономики может иметь только глобализационную направленность! // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2009. — Том 7. — №3. — С. 6.
7. Оболенский В. П. Присоединение России к ВТО и ее участие в интеграции. // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — №3. — С. 18.
8. Абалкин Л. И. Вызовы нового века. — М.: Институт экономики РАН, 2001. — С. 18.
9. Некипелов А. Влияние глобализации на реаллокацию ресурсов в переходных экономиках. // Проблемы теории и практики управления. — 2003. — №2. — С. 10–11.
10. Андрианов И. Д. Россия: экономический и инвестиционный потенциал. — М., 1999. — С. 250.
11. Богомолов О. Т. Моя летопись переходного времени. — М.: ОАО «НПО «Издательство «Экономика», 2000. — С. 342.
12. Бляхман Л., Кротов М. Глобализационное измерение реформы и задачи промышленной политики. // Российский экономический журнал. — 2001. — №3. — С. 13.
13. Шишков Ю. Глобализация — враг или союзник развивающихся стран? // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — №4. — С. 11.
14. Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. — N.Y., Academic Press, 1974. — P. 162.
15. Фетисов Г. Альтернативы «сырьевой» модели развития. // Российский экономический журнал. — 2007. — №9–10.
16. Фетисов Г. «Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты. // Вопросы экономики. — 2006. — №12. — С. 45.
17. Федоренко Н. П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. — М.: Экономика, 2001. — С. 76.
18. Оболенский В. П. Присоединение России к ВТО и ее участие в интеграции. // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — №3. — С. 18.
19. Федякина Л. Н. Мировая внешняя задолженность: теория и практика урегулирования. — М., 1998. — С. 5.
20. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. — М., 2007. — С. 29.
21. Ясин Е. Модернизация и общество. // Вопросы экономики. — 2007. — №5. — С. 9.

Поступила в редакцию

05 февраля 2012 г.

Ольга Васильевна Бондаренко — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор публикаций по социальной аксиологии, социологии труда и экономической социологии.

Olga Vasiliyevna Bondarenko — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, head of «Humanities and Social Sciences» department of South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) Shakhtinsky Institute (branch). Author of numerous publications in social axiology, sociology of labor and economic sociology.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru

Василий Игоревич Бондаренко — доктор социологических наук, доцент кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ).

Vasiliy Igorevich Bondarenko — Ph.D., Doctor of Sociology, docent at «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru